

КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН

ХОД СЛОНОМ

ТАМ, ГДЕ КРУТЯТСЯ БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ,
МЕЛОЧЕЙ НЕ БЫВАЕТ

БАХТИАР АХМЕДХАНОВ

Криминально-психологический роман

Бахтиар Ахмедханов

Ход слоном

«ЭКСМО»

2020

Ахмедханов Б.

Ход слоном / Б. Ахмедханов — «Эксмо», 2020 — (Криминально-психологический роман)

Альберт Кошкин вел обычный образ жизни, был тихим и неприметным, руководил многотиражной газетой на производстве. Но пришло время, и пожилого работника «попросили» освободить место. Для пенсионера начались трудные времена. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы старый знакомый Кошкина не предложил ему выгодную работу. Но долгожданная радость Альберта очень быстро сменилась серьезным опасением за собственную жизнь. Он и не предполагал, что путь от рядового охранника в элитном пансионате до участника тайных криминальных схем так короток и опасен...

© Ахмедханов Б., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

1	5
2	8
3	12
4	17
5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Бахтиар Ахмедханов

Ход слоном

1

Веселое утреннее солнце грело, но не жгло. На дне розетки с остатками меда, чувствуя свою безнаказанность, лениво ползала оса. На траве, у самых ножек стола воробьи устроили драку из-за хлебных крошек. Я выступал в роли провокатора, время от время подбрасывая им кусочки булки. На террасе ресторана больше никого не было, и официант изо всех сил притворялся, что счастлив работать «до последнего клиента».

Уходить мне не хотелось. Я закурил пятую за утро сигарету, отпил из чашки остывшего чая и продолжал со вкусом завидовать самому себе. Пахло теплой землей, мокрой после ночи травой, какими-то неизвестными мне цветами и морем, до которого было от силы 5 минут спокойным шагом.

Я шурился на цветы, на пальмы, на воробьев, на официанта и лениво подбивал в уме баланс. Впервые за несколько десятков лет сальдо казалось положительным. Минусы: через месяц мне исполнится 66 лет, у меня нет ни кола и ни двора, и все активы состоят из крошечной квартирki в Москве и банковской карточки с совсем небольшой суммой. Плюсы: в свои годы я сохранил отменное здоровье, подорвать которое не смог целый букет дурных привычек, умудрился избежать разрушающей личностной зависимости почти от всех видов материальных благ и нахожусь сейчас – загорелый и довольный – в пяти минутах от моря.

Но особое удовольствие мне доставляла мысль о далекой Москве, где сейчас была середина декабря. Зима почему-то всегда ассоциировалась у меня с томящимися в неволе пальцами ног, бледными и припухшими словно черви-опарыши. Я посмотрел на свои похудевшие и потемневшие ноги в невесомых кожаных сандалиях и с удовольствием пошевелил пальцами. Я представлял себе бурую слякоть под ногами, ледяной ветер, эти шапки, шарфы, шубы (все три слова на «ш» какие-то колючие и тяжелые, пропитанные мерзкой сыростью), и меня непроизвольно начинала распираť изнутри радость – немотивированная и явно неуместная в моем возрасте и положении.

Решив докурить на ходу, я медленно пошел по направлению к пляжу. Белые стены коттеджей были увиты цветущими красными и розовыми бугенвиллиями, на перилах балконов сушились купальники и полотенца – подобную курортную расслабуху последний раз я испытывал лет эдак 20 назад в Крыму. Впрочем, не такую: на советских (и тем более постсоветских) курортах не было такого ощущения спокойствия и защищенности от внешнего мира, как в этом пятизвездном отеле на берегу Красного моря.

«Мое» место под чахлой финиковой пальмой на краю пляжа было свободно, я быстро притащил сюда лежак и с наслаждением растянулся. Справа, как всегда, находилась компания разновозрастных теток из Питера, раскинувшихся в самых живописных позах. Слева на своем обычном месте дежурил охранник-араб, который откровенно пялился на русских красавиц и только что не пускал слюни.

Араба звали Хасан, мы с ним приятельствовали. Он брал у меня уроки русского языка, заключавшиеся в том, что Хасан рисовал палочкой на мокром песке женский силуэт и, тыча в разные, главным образом, интимные места, спрашивал, как это будет по-русски.

После работы на муляже я ставил ему произношение. Мой ученик очень старался, от напряжения и усердия он гримасничал и громко повторял незнакомые слова, приводя петербурженку в показное смущение. На следующий день Хасан благополучно забывал весь пройденный накануне материал, и урок к общему удовольствию повторялся сначала.

Но сегодня урока не было. Уроков вообще больше никогда не было, потому что у меня не стало ученика.

Никто не видел, как это произошло. Обдуваемый ласковым ветерком, я задремал на своем лежаке, а проснувшись, решил покурить и поболтать с охранником. Сунув в зубы сигарету и прихватив другую для Хасана, я направился к навесу, где на синем пластмассовом стуле обычно сидел мой ученик, охраняя границу пляжа. Там он сидел и сейчас, как-то уж совсем неприлично развалился и повесив голову на грудь. За такое поведение на рабочем месте арабское начальство могло запросто разжаловать моего друга в ночные сторожа при автостоянке, то есть вернуть его туда, где он, по его рассказам, начинал два года назад. Я взял Хасана за плечо и собрался было слегка встряхнуть, но тут заметил, что форменная синяя рубашка залита чем-то густым и красным. Ранее в своей жизни я никогда не встречался с подобными зверствами, поэтому до меня не сразу дошло, что это кровь, а горло охранника перерезано от уха до уха.

Не помню, что именно я сделал, но что-то сделал точно, возможно даже закричал, потому что питерские тетки вдруг вскочили на ноги и тоже дружно заорали. Потом мы сидели на лежаках, курили и общались с помощью двух-трех выражений типа «ну и дела!» и «какой ужас!». Наконец пришли двое полицейских в штатском и задали несколько дежурных вопросов. Во время интервью я смотрел на их ноги, обутые в недорогие, даже на первый взгляд жесткие и тяжелые туфли и думал, что и носки на полицейских наверняка дешевые и синтетические.

От мыслей о потной обуви и удушающих носках мне все сильнее хотелось в море, и когда с вопросами было наконец покончено, я только что не побежал на деревянные мостки, откуда так приятно прыгать в ярко-синюю воду. А еще здорово пройти перед этим по нагретому солнцем, горячему и даже на вид соленому дереву, на котором хочется, улучив момент, чтобы никто не видел, отбить подобие чечетки.

Раньше, когда я бывал только на Черном море, мне казалось, что вода во всех морях в принципе одинакова. Ну разве что в одних теплее (моря вроде Баренцева или Карского я в расчет не брал), в других посолонее. Здесь я понял, что это не так. Красное море намного дружелюбнее Черного, и дело даже не в том, что оно намного спокойнее. Ощущение такое, что оно бережет тебя, и нужно очень постараться, чтобы в нем утонуть.

Поплавав примерно час над кораллами, среди которых сновали рыбы самых невообразимых расцветок, усталый, но довольный я выполз на берег, сел на лежак, вытер о лежавшую на нем футболку еще мокрую руку (чтобы не испортить сигарету) и с удовольствием закурил. И тут я вспомнил о Хасане, о котором странным образом забыл напрочь.

За что? Нет, парень он был явно с хитрецей, ну а кто сейчас без нее? Мы с ним как-то просидели на пляже до темноты, и, что удивительно, мне было интересно. О чем только не трепались – об исламском фундаментализме, об отношениях Востока и Запада, о том, что нас всех ждет в будущем и по всему выходило, что ничего хорошего нас не ждет. По-английски охранник говорил очень неплохо – это был явно не убогий, хотя и беглый английский язык лавочников. В ответ на мое удивление Хасан объяснил, что учился в колледже, где многие предметы преподавали на английском. Колледж – это, насколько я знаю, как наш техникум в советские времена, то есть то заведение, где получают всего лишь среднее образование. Хорошие тут у них техникумы.

Он дежурил на пляже через день, заступая на смену в обед, и предлагал, если мне нечем заняться в отеле, навещать его вечером на пляже – выпить его кофе из термоса, покурить (предполагалось, что сигареты будут мои) и поговорить за жизнь. Обо все этом час назад я и рассказал полицейским. Добавить вроде нечего, скрывать – тем более.

Ну что же, надо идти в номер, принимать душ и собираться на ужин. Привычка поздно и сытно завтракать избавляла меня от необходимости обедать. Если подсчитать, сколько я сэкономлю здесь на обедах (а у меня полупансион, куда включены только завтрак и ужин), то полу-

чится сумма, достаточная, скажем, для покупки небольшого телевизора. А поскольку телевизор мне не нужен, то «обеденные» деньги я тратил за ужином на виски.

Мой номер находился на первом этаже двухэтажного корпуса. Я не дал взятку при заселении, и в наказание меня поселили в комнату с видом не на море, а на белый каменный забор. Зато мой балкон выходил прямо на толстоногую пальму и цветущий куст, а забор мне совсем не мешал. По вечерам я обычно читал привезенный с собой толстый том Набокова или смотрел телевизор примерно с 50 каналами.

Сначала я попробовал смотреть российское телевидение, но за тысячи километров от родной страны бесконечные сериалы казались еще глупее, а так называемые звезды шоу-бизнеса еще тошнотворнее. Потом попытался смотреть англоязычный канал, по которому с утра до вечера крутили боевики, но понимал я далеко не все, а напрягаться не хотелось.

Так что я с удовольствием замуровал пульт в ящике стола и даже выдернул из розетки штепсель. Теперь по вечерам я ограничивался чтением двух-трех страниц, после которых сон, как сладкий туман, незаметно вползал в голову. Лицо тяжелело, глаза сами закрывались, и тогда я поворачивался в сторону открытой нараспашку балконной двери, пару раз, еще в сознании, вдыхал ароматный, слегка щекочущий ноздри прохладный, древесно-свежий ночной воздух и с наслаждением засыпал.

Утром я клал смятую местную купюру достоинством в один фунт на кровать и отправлялся на завтрак. И уже через пару часов на моей аккуратно заправленной кровати появлялось произведение искусства, представляющее собой обычное полотенце, непостижимым образом сложенное в виде лебедя, лягушки или цветка и украшенное лепестками цветов. Горничными в отеле работали молодые ребята деревенского вида, очень приветливые и старательные. Воровства не было в помине – за украденную безделушку в этой стране можно запросто схлопотать пять лет тюрьмы, а в здешние тюрьмы, как мне рассказывал ныне покойный Хасан, лучше не попадать.

Я любил мой номер, ставший мне домом. Казалось, что я живу здесь не несколько суток, а много-много лет и не верилось, что через 10 дней придется отсюда уезжать. И куда еще уезжать! При мысли о том, куда именно и что меня может там ждать, хотелось переплыть Красное море и забиться в щель на том берегу. Что там у нас на той стороне? Саудовская Аравия? Не фонтан, конечно, но все же лучше, чем то место, которое мне уготовано, если все пойдет не так. А в том, что все пойдет не так, я был теперь почти уверен.

2

Впрочем, я ни о чем не жалел. Во-первых, поздно, а, во-вторых, лучше пожить напоследок по-человечески, чем пускать слюну у витрин, сжимая в потном кулачке пенсионные копейки.

Все началось примерно год назад. Хотя перемены в моей жизни начались гораздо раньше, осенью 2006-го, когда меня как собаку выгнали на пенсию. Год а то и больше после этого я тихо, а временами и довольно громко спивался в компании такого же некондиционного мусора. Говорят, в Японии так называют вышедших на пенсию мужчин – квартиры у них там маленькие, и мужики, которые провели всю жизнь на работе, вдруг начинают путаться под ногами. Наши квартиры тоже не дворцы, зато дворы – хоть конем гуляй.

Коллективчик наш был маленький, но дружный. С утра мы уже скидывались и к обеду, как правило, бывали уже готовенькие. Сначала мне все это нравилось. Было в этом какое-то мазохистское удовольствие, что-то типа «пойду пешком назло кондуктору», а точнее – назло всему миру.

Просыпаешься на рассвете – ну совершенный кусок дерьма: во рту словно кошки нагадили, голова трещит, тошнит, но хуже всего – эта мерзкая внутренняя дрожь, знакомая каждому выпивающему человеку. Вода из-под крана не помогает, лезть под душ нет сил. И отчего-то очень страшно. Нет, не страшно – тревожно, вот точное слово. Кажется, и тревожиться-то давно больше не за кого и незачем, но только алкогольная тревога – чувство иррациональное. И тогда ты набрасываешь прямо на майку пиджак (куртку или пальто, если зима) и спускаешься в по-утреннему оживленный двор. Там садишься на лавку и принимаешься с отвращением ждать.

В молодости, когда я испытывал похмелье, мне хотелось вставить в голову черный, блестящий, мокрый шланг и тугой холодной струей промыть дочиста мозг – чтобы не осталось ни молекулы этой дряни. Сейчас по-другому. Одно только желание и остается – добавить этих самых молекул.

Пить в одиночку я не мог никогда, наверное, это меня всю жизнь и спасало. Вот и сейчас – я терпеливо ждал кого-нибудь из дворовых пьяниц. Эти утренние ожидания были наихудшим временем суток.

Сидишь, чешешь седые космы, с которых сыплется перхоть, и слезящимися глазами смотришь, как люди торопятся на работу. Эти люди живут на другой планете. Не потому, что они ездят на дорогих машинах, а у тебя нет даже велосипеда. Некоторые из них идут к метро, и одеты они скромно. Нет, не поэтому. Просто дело в том, что у них есть будущее, а у тебя его нет.

Но ты им не завидуешь, да и как завидовать, если вы живете на разных планетах? Ты – на планете «Внутренней Дрожи», маленькой такой планетке, размером с несколько окрестных дворов, то есть как раз до метро с недавно открывшимся круглосуточным магазином. И они – на планете «Где Все Спешат». Но все равно никуда не успевают, потому что конец у всех все равно один. И поэтому ты им не завидуешь.

Ты вообще никому не завидуешь, и сознание этого переполняет тебя чувством гордости. Каждый наверняка обращал внимание, какими гордыми часто бывают алкаши. Это потому что они обладают сокровенным знанием, которого напрочь лишены серые личности, шестерящие ради эфемерных благ. А тут – в обосанных штанах, но гордый!

Помню, еще в молодости кто-то из друзей притащил в университет северокорейский пропагандистский журнал, издающийся на русском. На обложке был изображен счастливый мальчик в пионерском галстуке, а внизу подпись: так живут счастливые северокорейские дети,

не завидуя никому на свете». Мы были очень похожи на этого мальчика с обложки. Он тоже никому не завидовал, ну и, понятное дело, никто не завидовал ему.

Первый утренний глоток был спасением, чудодейственным средством, преобразователем всего сущего. Процесс напоминал мне манипуляции алхимика, работающего с разными субстанциями. Еще минуту назад ты не мог собрать вместе несколько простых мыслей, но вот ты проталкиваешь в себя пахучую едкую жидкость, заливаешь сверху другой жидкостью, уже сладкой и отдающей гуталином (если бы алхимики знали, что существует сочетание водки с колой, они не морочили бы себе головы каким-то философским камнем!) – и – о чудо! – мысли начинают собираться вместе. Это уже не мутные, позорно короткие струйки, похожие на те, которыми обгаживают деревья собаки. Это – светлые ручьи, собирающиеся в единый поток, спокойный и могучий.

Дрожь внутри унимается, в голове становилось горячо, глаза тяжело увлажняются, словно от избытка чувств. И вот ты, спокойный и сильный, сидишь и смотришь мудрым и всепонимающим взглядом на всех этих, бегущих по делам. Рядом с тобой сидят такие же посвященные. Вы всего достигли и потому снисходительны к окружающим. Да и как иначе? Жалко ведь их.

Днем мы, как правило, догонялись, вечером тоже, но это было не то. Это была выпивка для поддержания состояния, волшебством тут уже не пахло. По вечерам мы иногда громко спорили, время от времени даже ссорились, но это происходило редко. Обычно расползались часам к девяти.

Честно говоря, я даже не знал, чем занимаются дома мои товарищи. Лично я старался найти какой-нибудь фильм по «Культуре» (который, правда, редко досматривал до конца) или пытался читать. Потом наступало утро – ну и так далее.

Я давно понял разницу между наркотиками и алкоголем. Наркота (по крайней мере, мне) никогда не давала чувства уверенности в завтрашнем дне, под ее воздействием я начинал испытывать беспричинные беспокойство и страх. А вот алкоголь давал. Чувство уверенности хотя бы в том, что завтра снова наступит утро, и все мы снова спустимся во двор.

Но при этом меня довольно часто посещала мысль, что долго так продолжаться не может и что остановиться все же придется. Наверное, это говорил инстинкт самосохранения. Ему бы заговорить года через два, даже не заговорить, а заорать во весь голос – так нет же...

Короче говоря, с пьянкой я завязал через год. Был в нашей компашке некто Алексей Алексеевич, бывший снабженец с шинного завода. Более безобидного, добродушного и веселого человека я не встречал, даже приступы черной алкогольной меланхолии его как-то обходили стороной. И вот как-то утром двор облетела весть: Алексеича хватил удар. Вышел утром покурить на балкон и упал. Врачи сказали, что, учитывая возраст и образ жизни, шансы встать на ноги стремятся к нулю.

Один раз с кем-то из дворовых синяков мы сходили проведать больного. Алексеич лежал на продавленном диване толстый и жалкий, как выброшенный на берег тюлень. При этом аппетитом он отличался отменным, гадил, соответственно, под себя, поэтому жена Алексеича выглядела еще хуже.

Вечером мы напились особенно сильно, а утром я не пошел во двор. У меня давно уже не было никакой жены (а если бы и была, то еще непонятно, как бы она отнеслась к перспективе ухаживать за тем же самым, во что превратился Алексеич), и лежать до смерти в собственном дерьме не хотелось.

Новую жизнь я начал с того, что вывел тараканов. Все эти новомодные средства – полное фуфло с ограниченным сроком действия, а поскольку жить в чистоте, начиная прямо с сегодняшнего дня, я собирался долго и счастливо, то применил совершенно убойную вещь.

Тем, кто не знает, дарю рецепт: «шинный» порошок. Так его называл один давний знакомый, который как-то привез чудо-снадобье с завода в Ярославле, где делают шины. Инструк-

ция по применению: вымыть квартиру дочиста, после чего все поверхности застелить газетами, а по углам и вдоль плинтусов насыпать порошок (больше похожий на маленькие гранулы). И на двое суток уйти как можно дальше. Потому что тараканы в обработанной квартире совершенно теряют голову, вытворяют что-то невообразимое, а потомдохнут.

Сам я тараканью оргию не видел, потому что боюсь этих тварей до смерти, но знаю по опыту: после одного сеанса тараканы исчезнут у вас навсегда – даже если во всех соседних квартирах живут фанатичные любители домашних насекомых, содержащие целые колонии этой мерзости.

Я напросился пожить три дня на даче к соседу – за три бутылки водки. Потом заплатил одной из дворовых бабок, подрабатывавшей уборкой у более зажиточных соседей, которая вычистила и отдраила квартиру. Потом я подстригся и купил у метро толстый журнал с объявлениями о работе.

На пенсию меня выгнали с крупного деревообрабатывающего предприятия, на котором я руководил многотиражной газетой. Весь коллектив редакции – два старпера и работающая по совместительству симпатичная толстушка-верстальщица, которую старперы (то есть я и мой заместитель) регулярно и с удовольствием угощали коньком под шоколадку, за что нам дозволялось якобы в шутку разок-другой шлепнуть ее по заднице. Когда коньяка было много, мы частили, и тогда из-за закрытой на ключ двери редакции могло показаться, что в помещении работает неизвестно что производящий, но хорошо отлаженный агрегат, состоящий из задницы и ладоней.

А потом случилась беда. В последние годы дела у комбината пошли в гору, и хозяева выделили под газету солидный бюджет. PR-служба, которой мы формально подчинялись и которая имела о нашем существовании самое отдаленное представление, моментально сориентировалась. Руководить многотиражкой поставили родственницу PR-начальства – дуру с насморочным голосом, сыплющую словами вроде креатив-позитив, но при этом не умеющую не то чтобы писать, но, кажется, даже и читать толком. А нас вежливо попросили. Что ж тут скажешь- пенсионный возраст!

Я, как личность творческая, обиделся на весь мир и пошел в дворовые алкоголики. Но мой зам, полковник запаса и в прошлом сотрудник гарнизонной газеты в ужасной дыре, сумел где-то как-то подсуетиться и устроиться охранником. Уже через пару месяцев экс-полковник позвонил и предложил пойти к нему в напарники. Я, помню, отшутился, на том разговор и закончился.

В общем, я купил толстый журнал о работе. Месяца два я только и делал, что звонил, иногда ездил на собеседования и пару раз, отчаянно стесняясь и, словно амбразуру, закрывая телом монитор, даже отправил резюме из интернет-кафе, набитом детьми, которые тарасились на меня как на оживший экспонат палеонтологического музея.

Эх, не успели мы с моим замом-полковником списать на чертовом комбинате пару ноутбук – сидел бы сейчас, строчил бесплатно и врал, какой я работающий и талантливый. Впрочем, найти хоть сколько-нибудь приличную работу мне не светило – опять же по причине возраста. И тогда я устроился курьером в издательство.

Сначала мне ужасно не нравилось, но очень скоро я втянулся и стал даже находить удовольствие в поездках по городу, во время которых я читал или предавался мечтам об отдыхе у моря. Самое интересное, что это было реально: мне платили около 12 тысяч, плюс пенсия, а если устроиться еще и на вторую работу, то получится очень даже и ничего...

Теперь, выходя из подъезда, я уже сам ловил на себе мудрые и всепонимающие взгляды вчерашних собутыльников, слегка стеснялся, быстро здоровался и пробегал мимо. Странное дело, но меня стали радовать даже поездки в метро. Раскачиваясь в едином ритме вместе с остальной пассажиромассой, я с гордостью думал, что тоже еду работу, а не прозябаю на мышиную пенсию, и что круг моих интересов несколько шире, чем распродажа по себестоимости

капусты в магазине при совете ветеранов. В мои же ближайшие планы, помимо, как я уже говорил, отдыха у моря входила также и покупка компьютера. Что касается перспективного планирования, то им я не занимался и раньше, поскольку считал это занятие саморазрушающим. Человек, как известно, лишь предполагает.

Устроиться на вторую работу я не успел: грянул кризис и у меня не стало даже первой. Сократили. В моем заглавнике было около 600 долларов – в принципе, достаточно, чтобы купить несколько дней у моря. И я решился. Кризис, судя по всему, надолго, а когда он закончится, то я буду уже в таком возрасте, что меня не возьмут даже наблюдать за тем, как сохнет краска на заборе. Да и срок паспорта заканчивается, а пока я буду колупаться с новым, то все мои доллары разойдутся непонятно на что, как это обычно и бывает.

Примерно за такими мыслями меня и застал звонок мобильного. Я постоянно носил его с собой – по привычке, а также с робкой надеждой, что прежний работодатель поймет, какой бесценный кадр потерял по досадному недоразумению.

Звонил, как ни странно, именно работодатель. Только не прежний, а, что еще более странно, новый.

– Привет, дядя Алик! Как жизнь?

Дядя Алик (или Альберт Эдуардович Кошкин) – это я. Любовь к кучерявым именам, возникшая давным-давно, как я думаю, в результате гремучего сочетания амбициозности и неграмотности, передавалась в нашей семье по мужской линии, как проклятие. Дедушка, например, вообще носил имя Наполеон, что наверняка стоило ему тех еще нервов.

Звонил мой старый сослуживец, ушедший в охранники. Его я ожидал услышать меньше всего, хотя, если честно, я вообще никого не ожидал услышать.

В отличие от меня он носил благородные фамилию, имя и отчество – Аркадий Валерианович Бунин. Еще он обладал красивым, звучным баритоном, который сегодня звучал сочнее обычного, что наводило на мысль, что у Аркаши все хорошо. «Дядей» он называл меня в шутку, разница в возрасте у нас было года три, не больше.

Меня приглашали выпить. Да не дома, а в ресторане, из чего я немедленно сделал вывод о том, что у экс-полковника все не просто хорошо, а прямо-таки замечательно. Я всей душой разделяю точку зрения о том, что чем больше богатых, тем меньше бедных, а потому общение с обеспеченными людьми считаю крайне полезным. В общем, приглашение было принято. Боюсь даже, что при этом я не смог скрыть своей радости. Ну и ладно, я всю жизнь люблю хорошо поесть и выпить, а сколько ее, той жизни?

3

Как сейчас помню, это был март. Или апрель. Ну, короче говоря, начало весны, которое я терпеть не могу. Все какое-то серое, размазанное, неопределенное, все какое-то нечистое, словно прыщавое. Сезон-подросток.

Мы сидели на третьем этаже кавказского ресторана возле метро «Новокузнецкая». Пока готовили основной заказ, Бунин попросил белую лепешку и по бокалу красного вина. Обмакнутый в вино хлеб приобретает какой-то терпкий вкус. Необычно, но здорово. Начинает щипать язык и даже слегка дает в голову – если на голодный желудок. У меня же он был как раз голодный: к походу в ресторан я готовился основательно и с самого утра специально ничего не ел.

– Скажи, вкусно? Это меня на Кавказе научили, я же три года в Грузии служил. Какую страну развалили!

Бунин сокрушенно покачал головой. Я тоже горестно поднял брови и развел руками, в одной из которых уже держал обмакнутый в вино хлеб, с которого падали драгоценные капли: да, мол, развалили сволочи...

Я не испытывал по временам СССР никакой ностальгии. Аргументы вроде «тогда мы свободно ездили, куда хотели» – бред сивой кобылы. По стране – да, ездили, хотя и с большим трудом. Попробуй-ка съезди, когда билетов в сезон не достать, а свободный номер в гостинице – это из области фантастики! А сейчас? Куда нельзя поехать сейчас? Хоть по стране, хоть в бывшую республику, хоть на другой конец света. Весь мир открыт, были бы деньги.

А рестораны? Я-то помню километровые очереди у входа и советских официантов, с презрительным достоинством принимавших наши трояки и пятерки, которые им платили только за то, чтобы войти. Я уж молчу про хамский сервис, манеру подсаживать клиентов до полного укомплектования столиков и разбавленную водку в графинах. И чего, спрашивается, ностальгировать?

Вот полковник – другое дело. У военных тогда оклады были раза в четыре выше, чем у инженеров и раз в шесть – чем у врачей. И квартиры им давали как из пушки. И женщины их любили за все за это – любой дуболом с одной единственной извилиной ходил в завидных женихах. Конечно, им теперь обидно. Хотя на обиженного судьбой мой бывший зам совсем не походил. Вон какой стол накрыл, чтоб я каждый день так жил!

Шашлыки были трех видов: из баранины на косточке, из бараньих же почек, печени и сердца и из овощей. Баклажан на шампуре, а внутри кусочек нутряного ягнячьего сала – сама нежность – под водку ничего лучше не придумано. Ну и всякие закуски вроде давленных с чесноком и перцем помидоров (настоящих, прошу заметить, а не из-под пленки), зеленой фасоли со специями и еще много чего.

Помню, выпили мы в тот день-вечер изрядно. Сначала повспоминали наше беззаботное житье-бытье на мебельном гиганте, после чего полковник перешел к рассказу о своей нынешней жизни.

– Алик, мне крупно повезло. Сам посуди: случайно встретил одного мужика, он особистом у нас был. Ни за что бы не узнал, он сам меня окликнул. Упакован от и до, машина дороже твоей квартиры, ты, Алик, только не обижайся. И сразу к делу перешел: мне, говорит, надежные люди нужны в охранную фирму. Чувствую, Алик, это мой последний шанс, нас с тобой как раз тогда с комбината шуганули... Ну вот, а сейчас я, представляешь, старший смены – ну ни хрена не делаю, целый день в интернете с бабами переписываюсь, а зарплата... Ну вот скажи, сколько, ты думаешь, мне платят?

– Ну, тысячи полторы, – промямлил я и подумал, что мир устроен несправедливо и что охранник из Аркаши как из дерьма пуля, даром что целый полковник.

– Полторы! – не произнес, а презрительно выплюнул он. И добавил, перегнувшись через остывающий стол:

– А пять не хочешь?

– Что, долларов? – упавшим голосом прошелестел я.

– Их самых, – устало сказал Аркаша и выпрямился на стуле, глядя на меня своими бледно-голубыми в красных прожилках глазами.

Наверное, в этот момент мне полагалось показать свое восхищение, а еще лучше – изобразить плохо скрытую зависть. Но вместо этого одной рукой я судорожно схватил очередной кусок шашлыка, а другой принялся разливать по рюмкам водку. Рука при этом дрожала противной мелкой дрожью – надо полагать от нереализованной жадности. Да и зависть изображать необходимости не было: думаю, она была написана – нет, грубо намалевана – на моей роже, тоже в красных прожилках, но, в отличие от довольной аркашиной, нищей и очень несчастной.

– Здорово! – каркнул я наконец со всей искренностью, на которую был способен. – Серьезная, наверное, фирма. Как называется?

– Да, фирма... Да так, ничего, конечно... – Аркадий на секунду замялся. – Да черт с ней с фирмой, давай за везенье выпьем!

– И за встречу твою с тем особистом, – с неестественным энтузиазмом поддержал я. – Вот правильно говорят, что ничего случайного в жизни не бывает!

– Да, кажется, особист. – Бунин отчего-то замялся еще больше. – А может, и нет. Я его несколько раз в штабе встречал, может, штабная крыса обычная. Знаешь, как они умеют устраиваться!

Уж это-то я знал! Видел перед собой воочию. И тут мне стало немного стыдно. Разве можно так злобствовать и завидовать? Ну повезло кому-то больше, чем тебе, ну и что? Разве это повод для скверных мыслей? «Неужели возрастное?» – с ужасом подумал я и принялся давить в себе старого завистника, изо всех сил пытаюсь вспомнить все хорошие Аркашины качества.

Если честно, вспомнить удалось немного. Ну, вроде не подсиживал (хотя чего там было подсиживать?), не стучал (а кому я нужен, чтобы на меня стучать?), заметки про передовиков мебельного производства строчил как из пулемета (такой бредятины, имея медную, как у Аркаши, задницу, можно хоть по роману в день выдавать) – вот, кажется, и все. На деньги, правда, всегда был жадноват (хотя ему с его полковничьей пенсией хватало выше крыши), но это про каждого второго можно сказать. Ничего страшного. Для комфортного сосуществования в рамках одной конторы личность вполне подходящая.

И тут я сделал стойку. Весь бубнеж про умеющих устраиваться сволочей-штабистов доходил до меня как сквозь туман собственных мыслей, но в какой-то момент туман вдруг рассеялся, потому что Аркаша сказал, продолжая свою мысль:

– Так вот, я и говорю: чего тебе дома сидеть? Нам как раз доверенный человек нужен. Сам знаешь, кто сейчас в охрану идет – приезжие или бывшие менты. Как им можно доверять? А ты у нас москвич, интеллигент, ты и поговорить с человеком можешь, и доверие к себе внушить. Так как, пойдешь?

– В смысле охранником?

– Ну да, о чем я тебе уже полчаса толкую!

Честно говоря, образ охранника у меня ассоциируется с оснащенным дубинкой дегенератом в дурно сшитой униформе. И себя в этой роли я никак не рассматривал. Не потому, что считал себя выше такой работы (хотя и не без этого, конечно), просто людей за 60 в охрану не берут, я уже интересовался. Обо всем этом я и сказал Аркаше. Но он только презрительно фыркнул.

– Еще чего! Тебе и не надо на складе крыс гонять или стройку охранять, для этого другие есть. Ты нужен для другой работы. Творческой, так сказать. И с соответствующей зарплатой.

Высокооплачиваемый охранник-интеллектуал! Мне почему-то сразу представился загородный дом какого-нибудь утонченного олигарха, смертельно уставшего от общения с богатыми кретинами и потому остро нуждающегося в интеллигентном стороже. На случай, если вдруг захочется в тиши аллеи перекинуться парой слов о только что прочитанной книге.

Стараясь не выдать своего волнения, я взял еще один кусок мяса и освежил рюмки с водкой.

– Соответствующая зарплата – это сколько? – спросил я как можно равнодушнее.

– Две тысячи долларов, – с интересом глядя на меня ответил Аркаша.

Кровь ударила мне в голову с такой силой, что я испугался, что меня от радости хватит инсульт. «Вот это была бы окончательная несправедливость», – подумал я и осторожно поставил рюмку на стол.

– Две тысячи? – переспросил я, избегая смотреть Аркаше в глаза. – А что, нормально.

– Ну вот и хорошо, – засмеялся охранников начальник. – Тогда будем считать, что с завтрашнего дня ты на работе.

– То есть как на работе? – опешил я. – А как же отдел кадров, бухгалтерия, договор или что там у вас...

– Ага, и отпечатки пальцев! Твоими бухгалтерией, отделом кадров и начальством в одном лице буду я. На работу будешь приходить по адресу, который я тебе дам, там же все формальности вроде зарплат. Что-то не устраивает?

– Да нет, все устраивает, – неуверенно начал было я, – только как-то странно это...

– Послушай, – уже тоном раздраженного начальника сказал Бунин. – Тебе работа нужна, чтобы на проходной отмечаться или чтобы деньги платили? Я, между прочим, твою кандидатуру долго продавливал, потому что тебя знаю, а знаешь, сколько блатных хотели бы на это место? Работенка-то, между нами, не пыльная, но доходная, сам скоро оценишь.

– Уже оценил, Аркаша, – примирительно заметил я. – А чего охранять-то?

– Об этом не сейчас. Запоминай адрес, а номер моего мобильного ты знаешь. Жду завтра ровно в 10 утра. И убедительная просьба: о нашем разговоре и новой работе – никому. Потом поймешь, что это в твоих же интересах.

Аркаша назвал адрес. Улицу я знал, район «хрущевок» в Кузьминках, то еще местечко. Потом мы заказали еще водки, а потом, когда чувство уверенности в завтрашнем дне достигло апогея, еще. Поэтому первое, что я почувствовал, проснувшись утром, был ритмичный шум в ушах. Неужели давление? А ведь 66 лет, действительно, не шутка, и я в очередной раз дал себе слово побережться.

Затем я принялся в деталях восстанавливать вчерашний вечер. Как добирался домой забыл начисто. Автопилот. Плохо. Как допивали тоже почти не помнил, так, какие-то обрывки. Вроде приставали к официантке. Тоже некрасиво. Вроде перемигивались с какими-то ужасными, старыми и толстыми бабами, но вроде бы без последствий. А это уже хорошо, что без последствий.

Беда в том, что мне очень не нравилось просыпаться рядом со старыми и толстыми бабами, точно так же, впрочем, как со старыми и худыми. А просыпаться с молодыми не получалось, поскольку сам я тоже давно стал старым и толстым.

Когда мы с Аркашей (интересно, как мне его теперь называть – Аркадий Валерианович?) трудились в нашем деревянном органе, то с полочки или премии частенько заказывали девочек по вызову. Когда двух, а когда и одну на двоих – так даже смешнее, не говоря уже про экономию.

Эти оргии мы устраивали в моей квартире, потому что Аркаша, в отличие от меня, был женат. Мадам Бунину я не видел ни разу, о чем нисколько не жалею. Пару раз Аркаша при мне звонил ей и говорил, что задерживается на работе по причине производственного завала – его лицо в эти минуты лучше тысячи слов доказывало, что институт брака давно отжил свое.

Мне же объяснять что-либо было некому. Это было удивительно, и к этому я вот уже много лет все никак не мог привыкнуть. За свою жизнь я так много врал, что когда в этом вдруг отпала необходимость (возможно, именно поэтому и отпала), я оказался в положении человека, всю жизнь прожившего в коммуналке и вдруг на старости лет оказавшегося в собственном особняке. Зачем ему, одному, так много этажей и комнат? Зачем мне, одному, так много свободы?

Девочек мы с Аркашей выбирали самых дешевых. И надо бы хуже, да некуда. В наши годы так выглядели типичные пэтэушницы (ученицы ПТУ, профессионально-технических училищ, кто не помнит), причем двоечницы из неблагополучных семей. Как правило, наши одноразовые партнерши были коренасты, коротконоги, прыщавы, с грязными волосами и, как правило, без коренных зубов.

Они были привычны ко всяким клиентам, и наш возраст их нисколько не смущал. Некоторые, правда, сначала обращались к нам на «вы», но потом все становилось на свои места. Почему-то все они были голодны и прежде набрасывались на еду. Мы с Аркашей терпеливо ждали, стараясь за это время как можно больше выпить. Во-первых, так веселее, во-вторых – не так противно. Как вам наевшаяся всякой дряни сексуальная партнерша, изо рта которой разит купленным у метро копченым окорочком в сочетании с водочно-пепсикольной отрыжкой?

В общем, женщин, судя по всему, вчера не было. Ну и ладно. Думать о еде не хотелось. Вчера от жадности я сожрал столько шашлыков, что ими можно было бы вполне накормить средних размеров африканскую деревню. Жаль, что нельзя наестся впрок – эта мысль в последнее время посещала меня все чаще.

Впрочем, если Аркаша не врет и мне действительно будут платить две тысячи долларов в месяц, то есть шашлыки в ресторане я смогу каждый день. Две тысячи! Только бы все оказалось правдой, думал я, стоя под душем. Начну новую жизнь с первой же получки. Вот только в чем именно будет заключаться новая жизнь, я представлял с трудом.

Помнится, Киса Воробьянинов тоже не очень знал, что будет делать с тещинными бриллиантами, когда их найдет. Ильф и Петров описали представления Кисы о светлом будущем примерно так: покупка новых носков и отъезд за границу. Носков у меня полный шкаф, да и за границу сейчас съездить не так уж сложно. Например, в какую-нибудь Белоруссию.

Можно, конечно, в очередной раз жениться, решив таким образом вопрос быта, но создав себе при этом проблему глобальнее. Все мои четыре брака распались по той простой причине, что по прошествии какого-то периода времени я и мои жены начинали вдруг раздражать друг друга. Опытным путем я определил первый симптом, ту грань, за которой раздражение начинало нарастать, как выражаются музыканты, *crescendo*. Первый звоночек – это когда молчать вдвоем становится тягостно, второй – когда больше не о чем говорить за столом, ну а третий – когда хочется отмотать жизнь назад, к моменту первой встречи и все переиграть заново. В общем, женитьба – это плохая идея.

Куда лучше вместо этой глупости заняться зубами. Заменить один из мостов, который вконец расшатался и давно действовал мне на нервы. Зубы – это раз. Потом обязательно купить компьютер. Это – два. Еще хотелось бы съездить в какой-нибудь санаторий – только не лечиться (такой необходимости, тьфу-тьфу-тьфу, пока нет), а просто пожить месяц на всем готовом. А то осточертело каждый день самому готовить себе еду, мыть посуду, застилать постель, убирать квартиру и делать другие скучные дела. А как было бы здорово гулять по тихим аллеям санаторского парка, дремать на скамейке с книгой в руках, сплетничать с соседями по столу, а вечерами резаться в лото!

В общем, перспективы открывались самые радужные – если, опять же, Аркаша не соврал. Все эти мысли одна за другой пронеслись в моей голове, пока я спускался с четвертого этажа нашей убогой, но чистенькой пятиэтажки. Несмотря на относительно раннее время, на ска-

мейке у подъезда уже сидел один из дворовых алкашей. У его ног терлась рыжая Даша, известная всему району, как непревзойденная крысоловка.

– Здорово, Алик, табачком не богат?

Поскольку я уже чувствовал себя если не богачом, то полноценным представителем среднего класса, я не только великодушно отсыпал лишенцу полпачки «Золотой Явы», но и одарил сторублевкой. Правда, подумав при этом, что если Аркаша все-таки соврал, то я очень пожалею об этом широком, почти купеческом, жесте.

Этой мыслью о своей возникшей вдруг принадлежности к среднему классу я забавлялся во время всего пути от «Коломенской» до «Кузьминок». Метро, как известно, давно стало транспортом для бедных, все, у кого появляются хоть какие-то деньги ездят на машинах. Так что неудивительно, что с советских времен публика в метро очень изменилась. Взять хотя бы одежду. Если раньше здесь встречались как очень хорошо и дорого одетые люди, так и те, кто явно с трудом дотягивал до очередной зарплаты, то сейчас почти все пассажиры одеты в шмотки с вещевых рынков. Ну и, конечно, бомжи, которые как были, так и остались.

«Интересно, – думал я, всматриваясь в бледные, невыспавшиеся, словно сырые лица попутчиков, – много ли в вагоне людей, получающих 2 тысячи долларов в месяц? Скорее всего, нет. И вообще, я, наверное, тут один такой в вагоне, из среднего класса затесался!»

«А ведь я теперь тоже машину смогу купить, – продолжал я думать мысли обеспеченного человека. – Но, с другой стороны, зачем мне машина? Лишние проблемы, пробки опять же. На метро гораздо быстрее, а если надо, то всегда можно взять такси. Хорошо все-таки, когда можешь выбирать...»

Хрущевку в Кузьминках я нашел быстро. Двор типовой, похож на наш, летом, наверное, довольно уютный и зеленый. На скамейке на детской площадке несколько аборигенов разминались пивом с водкой под чипсы. Но, в отличие от нашей, в этой компании имела еще и дама, которая нарочито громко кокетничала с кем-то из сотрапезников. В одной руке у нее дымилась сигарета, в другой она держала белый пластиковый стаканчик с водкой, готовясь опрокинуть его в рот. Мимо компании прошел дворник-киргиз в оранжевой жилетке, напяленной поверх теплой куртки. Перед собой он катил тачку с мусором из которого торчали лопата и скребок. Я набрал номер на домофоне и вошел в подъезд.

Это была обычная съемная квартира с мебелью 70-х годов, вытертыми синтетическими коврами и затоптанным грязным полом. Ничего даже отдаленно напоминающего офис. Тем не менее мой новый начальник, пивший кофе на нежилого вида кухне, немедленно и по-деловому приступил к инструктажу.

То, чем мне предстояло заниматься, было настолько необычно, что поначалу я хотел было послать Аркашу к черту, однако, стоило мне вспомнить все сладостные мысли и ощущения, связанные с принадлежностью к среднему классу, как жадность без труда взяла верх. К тому же неясный внутренний голос нашептывал, что теперь, когда я уже услышал столько интересного, отказаться от работы было бы не только неразумно по экономическим соображениям, но может быть даже и небезопасно.

Но лишь спустя несколько месяцев, обедая в одиночестве в том же самом ресторане и вспоминая аркашино поведение в первый вечер, все его недомолвки, нежелание приглашать меня в офис и давать хоть какую-то информацию о фирме и ее хозяевах, я впервые ощутил явный холодок страха за свою драгоценную – по крайней мере для меня – жизнь.

4

В нашем отеле было несколько ресторанов, но ужин накрывали в самом большом, там же, где и завтрак. Покойный Хасан рассказывал, что еще два года назад отель принадлежал итальянцу, который почему-то продал его египтянину. Новый хозяин не стал морочить себе голову такими пустяками, как хороший сервис, а стал сотрудничать исключительно с российскими туристическими фирмами, которые исправно гнали ему наших соотечественников.

Официанты часто хамили. Впрочем, к этому приучили их сами гости, многие из которых напивались вдрызг и устраивали скандалы с персоналом и между собой. Наблюдать за всем этим было очень интересно. Обычно после ужина я заказывал себе двойную порцию виски со льдом, орешки, какие-нибудь фрукты и с удовольствием пиялся на контингент.

Сегодня представление давали трое каких-то молодых людей с бритыми затылками, наверное специально к ужину переодетшиеся в спортивные костюмы. Их толстые шеи украшали массивные золотые цепи, а из рук они не выпускали дорогие мобильники, по которым громко и иногда одновременно переговаривались с абонентами в России. Из их разговоров все присутствующие в ресторане могли сделать вывод, что молодые люди занимаются бизнесом в Красноярске, что прилетели они сегодня утром – отдохнуть от своих трудов и необязательно-сти партнеров, которым, когда они вернутся, придется очень худо.

«Держат пару ларьков, а прикидываются новыми русскими», – подумал я, продолжая наблюдать, как вновь прибывшие стремительно наливаются местным виски.

Через каких-то минут сорок двое из них уже храпели, положив буйные головы на стол, а третий безуспешно пытался заклеить двух девчонок, пивших кофе. Еще через пять минут девушки встали и, спустившись по ступенькам с террасы ресторана, быстрым шагом пошли по обсаженной толстыми пальмами аллее, таинственно освещенной разноцветными фонариками, спрятанными среди цветов и листьев. Отпускник из Красноярска увязался следом, хотя вряд ли ему что-нибудь светило. Девушки, хотя и держались скромно и просто, были явно не его круга.

Нет, далеко не все наши ведут себя как свиньи, подумал я, на мгновение почувствовав нечто, отдаленно напоминающее прилив патриотизма. И почти сразу же подумал о женщине, которая вот уже несколько дней занимала мои мысли.

Сразу оговорюсь: я думал о ней совсем не как об объекте сексуальных домогательств. Хотя бы в силу ее возраста. По моему глубокому убеждению, женщина до 35 лет женщиной вовсе не является, поскольку это, выражаясь языком Папы Карло, еще заготовка. Но раз существует нижний порог женского возраста, то обязательно должен быть и верхний. Не знаю, сколько лет было моей незнакомке, но этот самый верхний порог она явно прошла.

И все же было в ней что-то непреодолимо притягивающее. Скорее всего манера держаться в сочетании с низким, глуховатым и каким-то кошачьим голосом. Судя по всему, она отдыхала одна. Я ни разу не видел ее на пляже, но пару раз замечал на скамейке в парке, где она сидела с книгой в руках. На завтраке мы не встречались, потому что по утрам я люблю подольше поспать, а на ужине она обычно сидела за столом с двумя пожилыми немками.

Сначала я принял всех троих за француженок, потому что говорили они между собой по-французски. Потом я услышал, как «моя» незнакомка разговаривает по-русски с кем-то из отдыхающих, а ее подруги в ее отсутствие говорят между собой по-немецки.

Как бы там ни было, мыслей свести с ней знакомство у меня не было. Ну, познакомимся мы, а смысл? В России у нее наверняка дружная благополучная семья, а если даже нет, то мы, скорее всего, живем в параллельных мирах. И даже если допустить, что не в параллельных, а в одном и том же, то что мне с ней делать? О сексе даже говорить смешно: голос голосом, а что там, под этими элегантными белыми брюками и ярко-желтой блузкой? Ноги со вздувшимися венами и сдувшиеся груди в пигментных пятнах? Для секса можно купить молодую

дуру (проститутки в возрастном диапазоне от 35 до 50 стоят намного дороже – так что не я один такой ценитель зрелой женской красоты!), а с этой теткой, наверное, можно было бы стать приятелями.

Конечно, если бы у меня было на это время. Срок моего пребывания здесь катастрофически сокращался, а время, сладко тянувшееся в первые дни, через неделю понеслось, словно набирающий ход скорый поезд.

Про себя я называл ее «дворянкой»: в моем сознании советского человека каждый говорящий по-французки человек – непременно дворянин. Так вот, в тот вечер она оживленно обсуждала с приятельницами красноярских бизнесменов. О чем они говорили, я, естественно, не понимал, но, судя по всему, одна из немок решила проявить участие – по крайней мере, она встала и, подойдя к спящим, попыталась их разбудить. Дворянка, закулив «Мальборо» (потянув носом воздух, я определил, что настоящее, а не российского и даже не арабского производства) что-то сказала и засмеялась, после чего немка, смущенно улыбаясь, вернулась на свое место.

Примерно в это же время в ресторан вернулся неудавшийся ухажер. Он тоже попытался было разбудить приятелей, а когда у него ничего не вышло, то, выпрямившись, обвел столики мутным взглядом. «Только не сюда!», – мысленно взмолился я, но, по закону подлости, эта жирная свинья направилась именно ко мне.

Парень, в сущности, был совсем неагрессивен, хотя и свиреп той алкогольной свирепостью, которая, как считают некоторые, возникает на пустом месте. Не на пустом! Я видел, что его распирало от невысказанности, но что именно ему хотелось высказать он не знал, да и не мог знать по причине дремучести. У каждого человека есть потребность выразить себя, а когда она не реализуется, то возникают скандалы, драки и всякие тому подобные эксцессы.

Бизнесмен заказал бутылку виски и стал рассказывать, чего и сколько они с друзьями выпили в самолете, какие козлы работают в отеле, потому что не говорят по-русски и как вообще неправильно устроен мир. Однако больше всего моего собеседника не устраивал персонал, он материл его с такой страстью, словно собирался остаться в этом отеле на всю жизнь.

Поняв, что скандала, скорее всего не будет, я с удовольствием принялся за «Баллан-тайнс» – тем более, что парень разорился на настоящий скотч. Через 15 минут я уже был в курсе всех основных событий его недолгой и неинтересной жизни: школа (драки с панками), армия (драки с «черными»), заочная учеба на экономиста, счастливый брак («классная девчонка, в универе на дневном учится»), проблемы с конкурентами («каждый месяц, суки, насылают ментов и пожарников») – вот, пожалуй, и все. Да, а завтра они всей компанией займутся дайвингом. Прямо с утра.

Еще я заметил, что к нашей беседе внимательно прислушивается дворянка – хотя слушать там было ну совершенно нечего. Сергей – так звали моего нового знакомого – от виски не то чтобы пьянел, но как-то тяжелел, и в один прекрасный момент вдруг замолчал и даже перестал реагировать на мои однозначные реплики. Просто сидел, уставясь в тарелку с фисташками и сосредоточенно молчал.

Я легонько потряс его за плечо и предложил проводить до номера. Сергей поднял на меня налитые кровью глаза и громко послал на три буквы. Смущенно оглядевшись на сидящих в ресторане людей, я сел на место и освежил свой стакан – чего пропадать добру. Примерно еще через полчаса, в которые я уложился, чтобы допить всю бутылку, Сергей грузно поднялся и, буркнув что-то на прощание, враскачку пошел в сторону двухэтажных корпусов отеля.

На радостях, что мне не пришлось тащить этого бугая в номер, я заказал чашечку кофе, под которую с наслаждением выкурил еще не менее трех сигарет. После спустился в сад, где долго и с интересом наблюдал за кошкой, забравшейся на финиковую пальму и пристально следившей с нее за прогуливающимися парочками и небольшими группами туристов.

Я был один, но одиночество меня почти не тяготило. Обычно мне не бывает скучно с самим собой, и я легко нахожу, чем себя занять. Людей, похожих в этом на меня, я безошибочно определяю по одному признаку: мы не выносим громкой музыки. Те, кто не могут находиться одни, почему-то нуждаются в постоянном шумовом фоне – будь то музыка или сутки напролет включенный телевизор.

Но сейчас компания бы мне не повредила. Мысль о том, что все идет не так, не покидала меня последние несколько дней, а ужасная смерть охранника, позабытая, как мне казалось еще днем, вдруг вспомнилась сейчас, поздним вечером, среди всего этого ночного великолепия. Скорее всего, я просто недопил, что, как известно, хуже, чем перепить. Возвращаться в ресторан мне не хотелось из экономии, поэтому я медленно прошелся по аллее вдоль моря и так же медленно вернулся к себе в номер.

Войдя, как обычно включил свет в комнате и ванной, куда и направился первым делом. И вдруг я замер. На полу лежало полотенце для ног, на которое я, собираясь на ужин, наступил уже обутый. Несмотря на опьянение, я прекрасно помнил, что вытер им одну из сандалий к которой прилипла короткая, не длиннее двух сантиметров, травинка. И еще тогда обратил внимание, что травинка осталась на полотенце, я прекрасно это запомнил, потому что несколько секунд стоял и напряженно размышлял, убрать ее или оставить. Потом решил оставить прислуге – пора, в конце концов, избавляться от совковых комплексов. Так вот, травинки не было. Значит, кто-то неосторожно наступил на полотенце. Следовательно, кто-то входил в номер. И этот кто-то не из obsługi – персонал, как правило, приходит убираться по утрам.

Я внимательно осмотрел остальные вещи. Вроде ничего подозрительного. Но все равно было ужасно неприятно. Тот, в чью квартиру хоть раз залезали воры, меня поймет. Помню, еще в молодости какая-то сволочь украла из комнаты в студенческом общежитии, где я тогда жил, мой бесподобный серый костюм, сшитый хотя на фабрике «Большевичка», но зато по французским лекалам. Мне было не столько жаль костюма, сколько обидно, что мою вещь теперь носит кто-то другой. Примерно то же самое я чувствовал, когда у меня уводили женщин. А впрочем, наверное, это и есть ревность. Можно ведь ревновать не только женщину, но и костюм или, как в моем сегодняшнем случае, номер в отеле.

Но еще хуже было то, что ко мне приходили явно не воры. Потому что ничего не пропало: ни банковская карточка, бездумно оставленная в ящике прикроватной тумбочки, ни документы, валявшиеся там же, ни вещи. Но если не воры, тогда кто же? И тут меня осенило: конечно, это была полиция!

Ну да, а кто же еще! Сегодня пляже среди бела дня зарезали сотрудника отеля, да так профессионально, что никто ничего не заметил. Кто вот уже скоро 10 дней находился рядом с убитым и вел с ним разные беседы? Я. Значит, меня надо хорошенько пощупать! На месте полицейских я бы тоже пришел к такой мысли, потому что весь пляж изо дня в день видел нас оживленно беседующими. И почти никто, разве что за исключением соотечественниц из Петербурга, не мог даже предположить, что наше общение сводилось, главным образом, к своеобразным урокам русского языка.

Но если так, то почему бы не поговорить со мной открыто? Неужели они думают, что это я убил Хасана? А если все-таки это вообще была не полиция? Тогда кто и что мог у меня искать? Черт возьми, неужели? Неужели кто-то пронюхал о том, что я прячу и теперь пытается это отнять? Но каким образом? Единственная ценность, которая у меня есть, это информация. Но я вывез ее сюда в собственной памяти и извлечь ее...

Какой кретин! Достать ее оттуда проще простого: привязать меня, как показывают в кино, к стулу, показать какие-нибудь плоскогубцы, даже не поднося их близко к лицу – и я выложу все с космической скоростью. А можно просто дать несильно по морде – результат будет тот же. И это я еще себе лыщу: припугни меня как следует – и можно сэкономить на кусачках и не пачкать рук.

Игра имела смысл ровно до тех пор, пока никто не знал, что я держу в своей башке. А теперь никто и гроша ломаного не даст за мою жизнь. Выхода не было. Разве что попросить у портье пачку бумаги, разрисовать десяток листов названиями и цифрами из моей памяти, а листы развесить на деревьях и расклеить на стенах – пусть каждый, кому интересно, берет и пользуется. А что, возможно, это мысль. Но отстанут ли от меня после этого? Боюсь, вряд ли...

А может, обратиться в газеты? Есть такой старый американский фильм – «Три дня Кондора». Там за сотрудником ЦРУ, работавшим над секретным проектом и ставшим ненужным и опасным носителем информации, охотилась целая армия наемных убийц. Но ровно до того момента, когда он передал сведения в редакцию газеты, благодаря чему и остался в живых.

Но здесь не кино, тем более, не американское. Да и я не сотрудник ЦРУ, а никчемный пенсионер, старый и жадный дурак, решивший провести остаток жизни в комфорте и вообразивший, что ему это позволят. И чего мне не хватало? Жил бы себе на пенсию и подрабатывал каким-нибудь сторожем, курьером или раздавал бы листовки возле метро. Зато как хорошо и спокойно! Что я, голодал бы что ли? Да ничего подобного! В ресторанах, видите ли, ему захотелось обедать, бразильскую обувь носить и в море купаться! Вот и искупают теперь в этом море – раз и навсегда.

Я с тоской подумал о своей беленькой пятиэтажке в 15 минутах от метро, о загаженной Москве-реке, в маслянистой воде которой так красиво отражались по вечерам огни многоэтажных домов на набережной, о нашем Кленовом бульваре, по которому было так здорово гулять, шурша листьями...

А моя кухня! Крошечная, но такая уютная – протяни руку, сидя на табурете, и достанешь все, что хочешь. Там был маленький столик на полтора человека, а над ним еще сто лет назад прибито дешевенькое бра под красным абажуром, под которым по вечерам я любил пить крепкий, черный, сладкий чай с толстыми сдобными баранками. А мои книги в рассохшемся, но еще крепком шкафу? А скрипучий буковый паркет (и какой идиот из далеких 1960-х придумал класть паркет в хрущевках?), который помнит шаги другого меня, еще не профукавшего свою жизнь? Так чего же мне не хватало?

Тут моя воспаленная мысль в очередной раз вернулась к Аркаше с его гнусной работенкой, после чего стало окончательно хреново.

Я полез в холодильник, достал оттуда початую бутылку литрового, привезенного из московского duty free «Джоннии Уолкера» и здоровенный гранат, купленный на местном рынке. Кто не знает – мировой закусон под виски, но это ладно... После первого хорошего глотка в голове слегка прояснилось (или мне показалось, что прояснилось), а уже после третьего начало возникать нечто отдаленно напоминающее убежденность в том, что все как-то образуется.

И в самом деле, чего это я паникую? Ну пришли полицейские, ну и что? Может, тут у них такие методы расследования? Может, они не хотят волновать иностранного туриста, мы же, как-никак, им валюту привозим, на нас их экономика держится, вот они и приходят тихо, чтобы не беспокоить!

А вообще хватит уже жить затворником. Завтра же с кем-нибудь познакомлюсь, желательно с женщиной. Можно, например, попробовать встать пораньше, чтобы застать за завтраком дворянку. А разговор можно запросто начать с сегодняшнего инцидента с пьяными придурками из Красноярска. Тем более, что она с таким интересом наблюдала и слушала. «Как там, интересно, наши молодые бизнесмены, надежда государства российского?» Или: «ваши иностранные знакомые вчера не слишком удивились?»

Короче, завтра с утра нужно будет придумать еще несколько вариантов начала беседы и по обстановке применить оптимальный. Я, конечно, не мачо, но ведь и она не юная топ-модель с обложки. И ей наверняка скучно проводить каждый вечер с двумя немецкими курицами. Ну о чем можно с ними говорить? Они, наверное, только и знают, что трещат о своих детях и внуках, не о новинках же литературы они разговаривают. А я все-таки мужчина, к тому же

соотечественник. Вот возьму и приглашу ее завтра прогуляться за территорию отеля, туда, где коралловый риф подходит так близко к берегу, что до него можно запросто доплыть.

Море в том месте красноватого цвета от кораллов – такая широкая красная полоса на ярко синем. Глубина над кораллом метра полтора, плавать нужно осторожно, чтобы не пораниться. И вставать на риф нельзя – можно наступить на ядовитого морского ежа или на рыбу, которую называют стоун-фиш – говорят, неприятностей после этого не оберешься. Но риск того стоит – до того там красиво.

Яркие рыбы самых невероятных расцветок снуют в коралловых зарослях, но меня впечатляют не рыбы и черепахи, а стена рифа, круто обрывающаяся вниз. Многообразие красок вдруг заканчивается, и вы оказываетесь прямо над страшной бездной. Вы плаваете в воде лазурного цвета, но уже в паре метров под вами вода начинает тускнеть, еще ниже она словно туман, а дальше – то, что описать невозможно, первозданный сумрак, с которого все началось и которым, видимо, все и закончится.

Обо всем этом я и расскажу женщине с кошачьим голосом, а если она еще умеет плавать, то и покажу. Черт возьми, это должно быть здорово – плавать вдвоем над бездной у края рифа. А потом вернуться на выжженный солнцем берег и, растянувшись на горячем камне и слегка прикрыв глаза, лениво шуриться сквозь капельки еще не высохшей соленой воды на ресницах на ярко-синее море, желтые скалы под сияющим небом, на стоящие немного поодаль богатые виллы, охраняемые не хуже военных объектов и на молодых арабов, время от времени встречающихся среди скал. Они приходят сюда, чтобы украдкой поглазеть на загорающих *topless* туристов, время от времени забредающих за охраняемую территорию отеля – не исключено, что как раз за тем, чтобы за ними подсмотрели.

Да, мы непременно будем подсматривать за подсматривающими и хихикать. Наблюдение за наблюдающим, как известно, доставляет особое удовольствие. При мысли о том, какой у нее должен быть смех, я подумал, что не доживу до утра от нетерпения. В ресторане я ни разу не слышал, чтобы она смеялась, улыбалась – это часто, а вот смеха что-то не припомню.

По мере того, как бутылка «Джонни Уолкера» пустела, в мою голову приходили все новые и новые мысли – например, о сексе, который я всю свою сознательную жизнь считал основой отношений между мужчиной и женщиной. Сейчас, глубокой ночью, мои вечерние рассуждения о венозных ногах и пигментных пятнах на коже казались мне недостойно примитивными. Да разве это важно! Вдвоем плавать над рифом и вдвоем лежать на солнце – вот единственное, что имеет значение. И шуриться, и смеяться – ну и так далее...

Эта мысль показалась мне настолько оригинальной и глубокой, что я немедленно решил ее отметить. Я швырнул в непонятно когда успевший опустеть стакан три кубика льда из холодильника и щедрой рукой залил их янтарным «Джонни». Я не припомню, чтобы когда-нибудь напивался в одиночку, но в ту ночь меня, что называется, конкретно пробрало. Мечты о новой, чистой, не отягощенной плотскими желаниями (которые, как известно, являются источником большинства проблем) любви захватили меня настолько, что сидеть в такую ночь одному в номере стало просто невыносимо. И я решил выпить кофе в одном из баров, который, судя по рекламному буклету отеля, работал круглосуточно.

При этом – наверное, чтобы не нарушать романтический характер ночи – я собрался покинуть номер через балкон. Как я уже говорил, я жил на первом этаже, и чтобы оказаться на узкой дорожке, тянущейся вдоль задней части корпуса достаточно было просто перешагнуть через низкие перила.

Подойдя к краю балкона, я занес было ногу, но тут же поставил ее обратно. Всего в метрах трех-четырех от меня, прямо у балкона соседнего номера с каким-то человеком стояла одна из моих соседок по пляжу. Несмотря на романтическое настроение и изрядную степень опьянения, я узнал ее сразу: это была самая молодая женщина из питерской компании. Она еще носила брегеты на зубах и, несмотря на то, что торчала на пляже как минимум десять дней,

совершенно не загорела. Мужчину, стоящего с ней, я видел впервые, но, судя по тому, с каким интимным видом они ворковали, знакомы они были явно не первый день. Наверное, он живет в моем корпусе, поскольку вся эта женская компания обитала где-то в коттеджах на два номера.

Чертыхнувшись про себя, я вернулся в номер и пошел к входной двери. Лезть через балкон прилюдно я постеснялся – особенно в свете последних событий. Чем черт не шутит, подумал я, вдруг они расскажут полицейским, что я сигаю по ночам через балкон, и те, чего доброго, заподозрят меня уже по-настоящему.

На аллее перед корпусом знакомых не было – двое типов, кутивших на скамейке перед входом были не в счет. Я посмотрел на часы. Два ночи, и чего людям не спится? И ведь совершенно трезвые, и даже без женщин. Сидят, как на работе, вот скучища.

Людей в баре было немного. У стойки топтался похожий на старого попугая иностранец с крашеными волосами, а за столиком у входа сидела моя другая питерская знакомая в компании здоровенного мужика в шортах и футболке. В ответ на мое растерянное «здрасьте» женщина приветливо покачала вправо-влево растопыренной пятерней, а ее спутник словно проколол меня холодными, черными, близко посаженными, как у павиана, глазками.

Какая гнусная харя, подумал я, расстроившись. Настроение, еще минуту назад такое поднятое, мгновенно упало до нуля. Начать с того, что на эту тетку я сам имел кое-какие виды – по крайней мере, до сегодняшнего озарения на предмет бестелесной любви. К тому же, промелькнуло в голове, озарение может завтра же и закончиться, а запасный аэродром никогда не помешает. Тем более, что аэродром находится в оптимальном возрастном диапазоне – где-то от 45 и немного выше.

Но дело даже не в этом. Мне очень не понравились все эти ночные встречи, и мой трусливый и подозрительный внутренний голос нашептывал, что случились они неспроста. В книгах про шпионов я читал, как профессионалы вычисляют слежку и «отрубают хвосты». Шпион из меня, конечно, никакой, но попробовать можно.

Стараясь напустить на себя как можно более безмятежный вид, я медленно и якобы смакуя выпил чашку паршивого кофе из аппарата и выкурил подряд две сигареты. Потом медленно поднялся, потянулся, искусственно зевнул и, пожелав всем доброй ночи, направился к выходу.

Мой план заключался в следующем. Выйти из бара, быстрым шагом пойти по аллее и еще быстрее завернуть за угол корпуса. Потом, как – будто завернул по ошибке, круто развернуться и пойти обратно. В этом случае, если меня действительно «ведут», я сталкиваюсь с преследователем нос к носу, и они, пристыженные и смущенные, уходят поджав хвосты, как побитые собаки.

Выйдя из бара, я самым быстрым, на какой был способен, шагом дошел до угла корпуса и резко повернул. Простояв неподвижно секунд пять, показавшихся мне вечностью, я быстро пошел обратно – и ни с кем не столкнулся. Вот и славно, подумал я и с облегчением полез в карман за сигаретами, как вдруг услышал шаги. Из-за угла, за которым я только что стоял, вышел смуглый мужик в униформе и с лопатой, приветливо улыбнулся и пошел по аллее вглубь территории.

А что, если это все-таки слежка? Или это я допился до паранойи? Размышляя таким образом, я дошел до входа в свой корпус. Двое трезвых на скамейке так и продолжали сидеть. Только теперь они еще попивали из пластиковых стаканчиков какую-то бурду, похожую на кофе. На меня они не обратили ни малейшего внимания, но я интуитивно почувствовал, как они собрались при моем приближении. Еще я почувствовал – тоже интуитивно, разумеется, что если я вздумаю еще раз выйти на балкон, то непременно увижу где-нибудь поблизости белокожую, неподдающуюся загару девушку с брегетами на зубах.

Все-таки что-то пошло не так. Но что? Я ведь никому ничего не рассказывал, более того – все эти 10 дней практически ни с кем не общался! Охранник Хасан не в счет – какое же это общение? Хотя стоп... Это я знаю, что ни о чем таком мы с ним не говорили, а что могло

показаться со стороны? Да все, что угодно! Общались мы с ним в самом конце пляжа, лежаков с отдыхающими там не было, ближе всех к нам находились барышни из Питера, но и до них было метров 6–7, не меньше. Они могли слышать, о чем мы болтали – если не все, то, по крайней мере, многое.

А ведь непростая компания, подумал я, вспомнив все сегодняшние встречи. И если произошли они не случайно, то я пропал. В безопасности я был только до тех пор, пока не произошла утечка. И сейчас я – обыкновенный носитель информации. Что-то вроде обучаемого компьютерного диска или говорящей флэшки. А что делают с говорящей флэшкой, после того, как перекачают с нее содержимое? Утилизируют, что же еще.

Эту ночь я провел, закрыв балкон и задернув шторы. Закрывая балконную дверь, я прекрасно понимал, что веду себя как идиот, но все равно ничего не мог с собой поделаться. Если бы между полом и кроватью был сколько-нибудь существенный зазор, то я бы, наверное, забился под кровать, но зазора не было и я, как в детстве, натянув до подбородка одеяло, и принялся лихорадочно придумывать аргументы в пользу того, что мне все померещилось.

Ничего стоящего в голову не приходило, а когда я поймал себя на том, что в десятый раз мысленно повторяю, что как было бы хорошо отмотать назад пару лет и прожить их заново, то встал и налил себя полстакана виски.

Эта ночь тянулась бесконечно и когда, наконец, наступило утро и можно было идти на завтрак, я был измочален окончательно.

Я принял душ, потом долго брился, стараясь потянуть время и все равно пришел в ресторан одним из первых. Сыр, оливки, помидоры, два сваренных вкрутую яйца и около пачки сигарет под пять-шесть чашек крепкого чая – мой обычный завтрак. Я просидел за столом часов до 10, сидел бы и дольше, но официанты принялись снимать скатерти и сдвигать столы.

Идти на пляж не хотелось, и я поплелся в открытый бар на берегу. Там обслуживали за деньги, но сейчас мысль об экономии казалась мне в высшей степени нелепой.

Я точно не помню, как долго я просидел за столиком под соломенным навесом. Лошадиные дозы кофе и греческой водки узу (виски здесь продавали только местный, вызывающий сильнейшую изжогу) сделали свое дело. Я тупо и отрешенно смотрел на происходящее вокруг меня, словно сидел в кинотеатре и пялился на экран, на котором происходила забавная, но не имеющая ко мне никакого отношения жизнь.

Шум пляжа доносился как сквозь вату, которой была набита голова. Я еще подумал: из чего складывается тот ни на что не похожий пляжный шум? Фон, состоящий из звука разбивающихся о берег волн – это раз, хотя здесь он был минимален. Волны в этой защищенной с трех сторон бухте не накатывали на песок с тем ни на что не похожим звуком, средним между тихим рычанием и шипением – они бессильно плескались, как на какой-нибудь речке.

Люди и вели себя как на речке. Какой-то толстый мужик занес стул в воду и уселся на него с бутылкой пива в руке. Он пил и одновременно звонил кому-то в Россию по мобильному телефону, а жена в этот момент снимала его на камеру. Наверное, чтобы потом показывать родственникам или соседям по какому-нибудь Бескудникову. Но попробовал бы он посидеть вот так на стуле в настоящем морском прибое! В лучшем случае его бы перевернуло, протаскивая под водой с десятков метров, а в худшем могло и переломать. Море не терпит панибратства.

О чем это я... Да, пляжный шум. Его основной компонент – это звук, возникающий от наложения друг на друга множества человеческих голосов. Только фишка в том, что голоса людей на пляже совсем не такие, как на городской улице, в парке или на пикнике в лесу. Море делает человека расслабленным, а потому и речь становится как – будто немного сонной. Даже если люди смеются, то и это они делают, как спросонья. Если записать разговоры в паре сотен спален, в которых только что проснулись, и наложить их один на другой – то получится в точности пляжный шум. Даже если не будет никакого моря.

Осовев от кофе и узу, я предавался подробным мыслям довольно долго. Мои проблемы словно отступили на задний план – а может, я сам их туда загнал. Как бы то ни было, думать о пустяках было так приятно, и я как мог оттягивал неизбежное возвращение к себе.

От мыслей о пляже и море я по ассоциативной цепочке перебрался к морским обитателям, а от них – к обеду. Время давно перевалило за полдень, и я подумал, что не мешало бы оторвать себя от стула и сходить куда-нибудь поесть. Но куда?

Я часто ходил обедать в город, подальше от туристической зоны. Там, в напоминающих одну большую и хитро устроенную помойку портовых кварталов можно было дешево и вкусно пообедать только что выловленной рыбой или креветками размером с ладонь.

Готовить и обслуживать в местных заведениях, больше напоминающих притоны, совершенно не умели – рыбу могли пожарить чуть ли не с кишками, а потом подать на подозрительного вида сером, непонятно откуда взятом куске картона. Столы были шаткие грязные, которые в честь иностранного гостя обрызгивали какой-то зловонной (но по-видимому считающейся ароматической) жидкостью, а потом вытирали ужасного вида тряпкой.

Самое странное, что я, будучи ужасно брезглив от природы, не испытывал здесь никакого отвращения. В Москве я бы и близко не подошел к уличному заведению, а здесь – с большим удовольствием. Даже шныряющие чуть ли не под ногами крысы не вызвали абсолютно никакого чувства протеста – наоборот, глядя на них и сидящих буквально в нескольких метрах равнодушных котов, вспоминался тезис о мирном сосуществовании разных общественно-политических систем, о котором нам твердили в советские времена.

Что там говорил пророк Исайя? Если не ошибаюсь, про льва и ягненка, которые будут лежать вместе?

Наверное, все дело в близости моря, чистом воздухе, отменной свежести продуктов и неподдельном радушии моих новых знакомых, одновременно являющихся, судя по всему, хозяевами рыбных лавок (они же кафе), официантами, поварами, поставщиками рыбы, контрабандистами и скупщиками краденого.

Как бы то ни было, но рыба и креветки, просто обжаренные в оливковом масле, были настолько свежими и вкусными, а жуликоватые хозяева так искренне радовались каждому клиенту, что ежедневные обеды среди куч гниющего мусора и в окружении кошек и крыс были одной из главных радостей моего пребывания в этом городе.

Все это, конечно, хорошо. Но покидать территорию отеля мне сегодня не хотелось. Если мне не померещилось, и за мной действительно следят какие-то люди, то сотворить со мной какую-нибудь гадость легче всего именно в городе, тем более, в таком. Человек здесь может раствориться совершенно бесследно и без малейшего шанса быть когда-нибудь найденным. Договориться с местными бандитами даже при наличии языкового барьера, я думаю, намного проще и дешевле, чем с бандитами российскими, а полиция тут если и не превосходит нашу по продажности, то уж не уступает – это точно.

Рассчитывать на защиту службы безопасности отеля тоже, конечно, глупо, но видимость порядка тут все же поддерживается. Значит, придется давиться обедом здесь. Подозреваю, что готовить здешние повара все-таки умеют, другое дело, что вкусы основной массы отдыхающих настолько обезображены глобализацией, что им можно с утра до вечера скармливать всевозможные сэндвичи, пиццу, гамбургеры и какую-то пережаренную безвкусную субстанцию, обозначенную в меню как рыба или мясо.

Еще можно заказать еду в номер, но оставаться в полном одиночестве мне тоже не хотелось. Итак, решено: иду в ресторан в отеле. Невкусно, конечно, но, с другой стороны, я уже столько выпил, что обедать буду, что называется, не приходя в сознание и потому вряд ли что почувствую. Вот только выпью еще узу на посошок и выкурю сигарету...

Сигарета в пачке осталась только одна. Причем надломленная у самого фильтра. Я никогда не мог понять, почему последние сигареты в пачке часто ломаются, если их вообще не трогали. Не иначе, одно из многочисленных проявлений вселенского закона подлости.

В этом баре сигарет не продавали, и я в сердцах выматерился. Подозреваю, сделал я это не совсем про себя, потому что услышал легкую нотку укоризны, прозвучавшую в низком и мягком, словно кошачьем, голосе, проурчавшем прямо у меня за спиной:

– Какая экспрессия! Только зачем же так расстраиваться, Альберт Эдуардович? Подумаешь – сломалась сигарета! У меня с собой целых две пачки, так что, если вы не против, будем курить мои. Кстати, меня зовут Анна Сергеевна. А лучше просто Анна.

5

– Как видишь, Алик, работа не пыльная, но ответственная, – заканчивая инструктаж, ровно, словно читая по написанному, говорил Бунин. – Если справишься, буду ставить вопрос о повышении зарплаты, и весьма существенном. Если же нет... Хотя никаких «если» быть не должно – не в наших с тобой интересах, так?

Пассаж о «наших с ним интересах» прозвучал пугающе двусмысленно. По-хорошему, никаких общих интересов у нас с ним не было и быть не могло. Это в заводском цеху или редакции газеты все, независимо от того, начальник ты или подчиненный, заняты производством общего продукта. А в нашем с Аркашей случае я даже не знал, что считать «продуктом». Обеспечение безопасности? Что-то непохоже.

Короче говоря, мне предстояло выполнять смешанные функции шпиона и тюремщика. Причем я был далеко не уверен в том, что моя новая работа безупречна с точки зрения действующего законодательства.

Мои должностные обязанности в аркашином изложении выглядели так: неотлучно находиться рядом с объектом охраны, отслеживая, но не пресекая возможные попытки объекта вступить в контакт с третьей стороной. При этом мне следовало максимально быстро и эффективно наладить личные взаимоотношения с объектом, войти к нему в доверие и стать чем-то вроде незаменимого компаньона. О содержании всех наших бесед я должен подробно и ежедневно докладывать Аркаше в письменной форме. К докладам следовало прилагать краткий отчет о поведении объекта в течение дня.

Всю эту писанину будет каждый вечер забирать доверенное лицо Аркаши по имени Тимур, а в случае срочной необходимости мне надлежало связаться с начальником по мобильному телефону, который мне выдадут и по которому звонить куда бы то ни было еще категорически запрещалось.

Жить мне отныне предстояло в подмосковном пансионате, примерно в полутора часах езды от города. При этом мне полагался один выходной день в неделю, который я был вправе использовать по своему усмотрению. Строгим условием было неразглашение всего, что связано с моей новой работой: ее характер, место, имена людей – словом, атмосфера полной секретности.

– А своим алкашам из подъезда, – на полном серьезе и без намека на смех инструктировал меня Аркаша, – можешь сказать, что познакомился с хорошей женщиной и на время переехал к ней на другой конец Москвы. А домой приезжаешь раз в неделю – проверить, что и как. Нормальная легенда, но если у тебя есть лучше, то предлагай. Обсудим.

Ничего лучше у меня не было, впрочем, как и хуже. Я так обалдел от всего услышанного, что только молча хлопал глазами и курил сигарету за сигаретой. От утренней бодрости не осталось и следа. Вот тебе и средний класс, думал я растерянно. Вот уж правду говорят: деньги просто так нигде не платят. Да и две тысячи долларов уже не казались мне такими большими деньгами как тогда, в ресторане.

– Вопросы есть? – глядя на меня в упор своими водянистыми в красных прожилках глазами спросил Аркаша.

– Пока только один. Кто объект? Иностраннный шпион что ли?

– Алик, ты что, выпил с утра, мой хороший? – без тени улыбки пошутил Аркаша. – Ну кто доверит тебе иностранного шпиона? Твой объект – старая, выжившая из ума баба, которую... нет, от которой нужно оградить все остальное человечество, чтобы она не наломала дров, а если точнее – не устроила катастрофу глобального масштаба.

– Да я все понимаю, – примирительно сказал я, – кроме одного. Как старая баба, тем более выжившая из ума, может устроить глобальную катастрофу?

– Правильный вопрос, – похвалил меня начальник. – А теперь слушай меня внимательно. Когда-то, еще при царе Горохе, она работала в одном московском НИИ. Ты, конечно, помнишь, сколько в советское время было в Москве таких институтов и заводов. Их еще называли «почтовыми ящиками» или «сундуками». Но тот НИИ, где работала твоя тетка, был закрытее всех остальных вместе взятых. Это был, образно говоря, сундук из сундуков. Попастъ туда на работу было очень сложно, потому что брали только лучших из лучших – это тебе не сейчас, когда звания академиков за деньги бандиты покупают. Но уволиться оттуда было еще сложнее. Как правило, только ногами вперед.

– Режим, – продолжал Аркаша, – там был такой, что даже для поездки в Москву требовалось особое разрешение. А сам институт, хотя и назывался московским, но располагался в подмосковном лесу, за колючей проволокой и тем, что на специальном языке называется «санитарной зоной», которую охраняли солдаты. Объект представлял собой закрытый городок, где для счастья имелось все, кроме личной свободы. Продукты в магазинах были любые, шмотки как в Европе и безо всякой очереди, поликлиника и школа тоже совсем не совковые. Отдыхать в отпуск можно было ездить только внутри Союза, но и в Сочи отпускников возили организованно и на автобусах со специальным сопровождением. Словом, коммунизм. Рай за колючей проволокой.

– Но ведь сейчас ничего такого больше нет, – робко вставил я, ерзая на жестком стуле, накрытом какой-то столетней вязаной крючком дрянью. Эта штука без конца сползала, и мне приходилось все время привставать и водворять ее на место. Сколько же задниц сидело на этой самой салфетке, чтобы так ее вытереть, думал я, слушая страшный аркашин рассказ.

Про такие «сундуки» я много слышал и читал, хотя ни с кем из работавших там людей никогда не сталкивался, кроме одной странноватой и при этом очень доброй девушки, с которой познакомился лет сто тому назад в Крыму. Там она лечила целую кучу болезней, главным образом, женских и нервных. Вот она – цена несвободы.

– Такого нет, – все так же серьезно ответил Аркаша. – Есть, наверное, покруче, но это не наша тема. Продолжаю. После развала Союза остались люди, которые там работали. Понятное дело, что если бы не перестройка, то никому из них не светило бы не только поездки в дальние страны, но даже и на Золотые пески в Болгарию. Сейчас стало посвободнее. Тех, кто не был в курсе каких-то важных секретов, больше здесь не держат. Кто-то из них уехал из России, кто-то нет.

– Но вот те, кто действительно много знает, долго были невыездными. Но сейчас, я думаю, уже нет – слишком много прошло времени. Наверху считают, что за это время наука успела так далеко уйти вперед, что секреты, которые они знали, уже больше не секреты. И очень ошибаются. Среди ученых того поколения есть люди, знания которых поистине бесценны. Большинство из них продолжают работать – если есть силы, конечно.

– Но есть среди них отдельные экземпляры, которые хотели бы эти знания использовать по прямому, так сказать, назначению. Или попытаться их продать – чтобы использовали другие. Твоя будущая подопечная как раз из таких.

– Как это – использовать по прямому назначению? – удивился я. – Они там что, секретные яды изобретали и теперь выжившая из ума кровожадная старуха хочет отравить все человечество?

– Нет, Алик, не яды, – все так же терпеливо продолжал Бунин. – Ядами занимались другие «сундуки» – тоже, конечно, интересные, но и это не наша тема. А твой божий одуванчик был специалистом по искусственным – их еще называют «направленными» – землетрясениям.

В моем животе противно шевельнулось что-то скользкое и холодное. Направленные землетрясения. Что-то такое я читал в газетах, но как-то не особо верил написанному. Но если нечто подобное действительно существует, то это уже такая государственная тайна, что любой к ней допущенный автоматически и навечно должен попадать под колпак. Да, но только

какая связь между государственной тайной и Аркашей – начальником охранников из какой-то шарашкиной конторы?

А шарашкиной ли? При мысли о том, что меня вербует какая-то засекреченная структура в животе стало еще противнее. И не вербует – считай, я уже в их лапах, причем со всеми потрохами. После того, что мне рассказал Аркаша, меня уже не отпустят. А может, еще не поздно отказаться? Адреса пансионата я пока не знаю, имени этой адской старухи – тоже. Да и кому я побегу закладывать – ФСБ? Смешно. Так, может, все-таки еще не поздно?

– Не пойму, чего ты так напрягся, – словно прочитав мои мысли сказал Аркаша. – Если не хочешь – так и скажи, я пойму. Мало ли какие у тебя сомнения, может, что-то не устраивает. Дай только слово, что никому ничего не скажешь – и иди себе домой. Никаких расписок о неразглашении не надо. Короче, выпей кофейку, покури, подумай, а я пока в комнате звоночек сделаю. Надумаешь – получаешь аванс и завтра с утра отправляешься на подмосковный курорт, нет – едешь в свой крысятник на Коломенскую. Никаких проблем!

Ехать домой не хотелось. Наверное, подумал я, это мой последний шанс хоть как-то изменить свою жизнь. Другого уже не будет. Маячившая впереди одинокая старость пугала, но одинокая и нищая старость просто приводила в ужас. Когда-то я, хорохорясь перед самим собой, думал, что, в отличие от всех остальных людей, не стану дожидаться, пока стану совсем немощным. В один прекрасный день просто приму яд и переселюсь в лучший мир, избегнув бесчисленных унижений, связанных с бессилием и собственной ненужностью.

Но так я думал когда-то. Чем старше я становился, тем отчетливее понимал, что никакого яда не будет. А будет постепенное и безжалостное разрушение моей личности, превращение человека в жалкую трясущуюся оболочку, от которой пахнет затхлостью – как из старого шкафа, где хранятся давно никому не нужные тряпки. И буду я трястись за свою жизнь, ежедневно выстаивая многочасовые очереди в районной поликлинике и изводя хорошеньких аптекарш разговорами вроде «а вот я у вас вчера купил, а мне не помогло, хотя такое дорогое, покажите что-нибудь другое».

А потом я загнусь. В обшарпанной вонючей больнице – если успею вызвать скорую и если она успеет приехать. Или в своей квартире – если все произойдет быстро. Во втором случае я еще успею хорошенько разложиться, поскольку ко мне давно никто не ходит. А разлагаться я буду или в кровати, или в кресле, или прямо на полу. Интересно, где это лучше делать?

А можно попытаться выползти на балкон, и тогда ко мне слетятся все окрестные вороны. Как они будут кружить и каркать! А что, прямо по обычаю какого-то северного народа, о котором я читал: своих покойников они поднимают на деревья и там привязывают. Птицы обклеивают их до костей, а родственники считают, что усопший после этого попадает в очень хорошее место. Но меня до костей обклевать не успеют. Соседи сначала ничего не поймут, а потом догадаются и вызовут милицию. Наверное, обо мне даже напишут в газетах.

Обо всех этих приятных вещах я думал, сидя на кухне и дымя сигаретой. Перспективы, надеюсь, не очень близкие, но зато реальнее не бывает. Что мне даст работа на Аркашу? Очень многое. Например, заработать денег на близкую старость. Чтобы купить себе номер в хорошем доме престарелых, где я буду читать книги на скамейке в парке и тайком попивать водочку с соседями по богадельне.

И море! Чтобы хотя бы раз в год летать на море, которое я так люблю. Черт с ними, с направленными землетрясениями! Даже если моя работа будет опасна, это все равно лучше, чем одинокое прозябание при полном отсутствии перспектив. А тут еще непонятно, что может возникнуть. Например, повышение зарплаты, пошутил я сам с собой. Стукнув кулаком в стену, я закурил новую сигарету.

– Согласен! – сказал я пришедшему на стук Аркаше. – Куда ехать?

– Точно согласен? – прищурился на меня Бунин. – Ломаться больше не будешь? Тогда держи.

С этими словами мой начальник полез во внутренний карман пиджака и красивым жестом выложил на стол пять новеньких столедолларовых купюр.

В ответ я как можно равнодушнее взял их, но, прежде чем сунуть уже в свой карман, не удержался и провел по одной из них большим пальцем, как это делали в лихие девяностые, проверяя доллары на подлинность. А потом не удержался снова и понюхал купюру. Пахло типографской краской, но не так, как пахнет только что отпечатанная газета. Газетный запах более насыщенный и, я бы сказал, ядреный, а вот новые деньги пахнут иначе. Я бы сказал, деликатно.

Я с детства люблю нюхать разные предметы, многие из них ассоциируются в моем сознании с тем или иным запахом. Некоторые связки «предмет-запах» засели в моей голове настолько прочно, что стоит мне увидеть или взять в руки вещь, как я мгновенно начинаю чувствовать ее запах. Я знаю или думаю, что знаю, как пахнут карандаши, пачкающая руки жижа из дешевых шариковых ручек, плохо вымытые кастрюли, заварочные чайники (аромат свежесваренного чая и горячего стекла или холодный, безнадежный запах вчерашней заварки), старые, но чистые вещи, пушистые кошки зимой, собаки в дождливый день и многое другое.

Но один из самых любимых – запах книг. Новых, старых – все равно. Есть книги, которые я перечитываю всю жизнь, их не больше десятка, и все они вот уже сколько лет стоят на одной, особой полке в моем рассохшемся книжном шкафу. Я знаю запах каждой из них наизусть, и, прежде чем начать читать, обязательно раскрываю наугад и долго, с наслаждением нюхаю.

Еще я, как и всякий нормальный человек, обожаю запах денег. Деньги пахнут намного проще книг, и каждый раз, когда я их нюхаю, в голове проносится одна и та же мысль, которую можно выразить примерно так: «и всего-то?» Этакое легкое разочарование тем, что овеществленная свобода пахнет свежееотпечатанными конфетными фантиками.

Итак, в очередной раз испытав по этому поводу легкое разочарование, я спросил своего начальника, где расписаться в получении.

– А нигде не надо расписываться, – улыбаясь сказал Аркаша. – И вообще, я тебе сказал, что это аванс, но на самом деле это что-то вроде подъемных. То есть, зарплату ты потом получишь без вычета этих пятисот долларов. Можешь считать это премией за оперативно принятое решение или подарком от фирмы – как тебе больше нравится.

Тут меня опять слегка кольнуло: где это видано, чтобы деньги выдавались просто так, без ведомости, расписки и всего, что полагается? Ни одна бухгалтерия на такое не пойдет, а уж тем более в серьезной фирме.

Значит, что? Значит, Аркаша затащил меня в организацию, где гуляют большие наличные деньги, которые нигде не проведены. При этом организация занимается тем, что пасет выживших из ума ученых, занимавшихся направленными землетрясениями, то есть работавших в рамках совершенно секретных государственных проектов. Тогда это точно не шарашкина контора. Тогда это особая структура – очень серьезная и опасная. Ну и черт с ней! И со мной тоже – черт. Решение принято, и будь что будет.

– Так куда ехать, начальник? – спросил я как можно беспечно.

– По Дмитровскому шоссе, это недалеко, – ответил Бунин. – Только своим ходом в первый день не стоит. Завтра ровно в 7 утра будь здесь, Тимур тебя встретит и отвезет. А сегодня отдыхай. Но только без излишеств, на работе нужно быть в форме.

В ответ на Аркашин пассаж об излишествах я хотел выдать что-нибудь едкое, но сдержался. Начальник все-таки. И потом, в поведении и манере держаться моего приятеля появилось что-то новое и незнакомое. Я попытался было определить, что именно, но не смог. В Аркаше появилась какая-то несвойственная ему ранее властность. И, одновременно, он словно постоянно пребывал в состоянии тревоги, чего раньше за ним тоже не замечалось. Пить он точно стал больше – вон какая рожа красная. Так что не ему говорить мне об излишествах.

– А что, – как бы между прочим, сказал я, уже собравшись уходить. – Может, отметим это дело? Без излишеств, естественно. Деньги у меня есть, так что угощаю.

Борьба мотивов читалась на аркашином лице так явно, что я с трудом сдержал смех. Может, зря я ему это предложил, но только черт его знает, что в их конторе зря, а что нет. Во многих местах новичкам полагается проставляться, то есть проходить своеобразный обряд инициации, без которого полноценное членство в племени будет проблематичным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.